

ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ

Ефремов Э.

НА КРУГЕ ЖИЗНИ

СПЕЦЫ, «сидевшие на брони», видно, не хотели его обидеть отказом и сказали, что для приема к ним на работу нужна справка от сельсовета. А он им: «Да какая справка — лучше я вам в доказательство валенки сваляю!» Сам-то что... Ему было стыдно в голубное время сорок третьего года гонять понапрасну поводыря. Да что ж, если надо — принес он им эту справку, что он и в самом деле умеет валять валенки.

Домой из валяльной не уходил — тут же и ночевал. Ни дневное, ни ночное время попусту не тратил. Вскоре обошел «слесов» — он больше всех свалял валенок для фронта. Доказал свой характер и свои способности, попросил, чтобы его на одну ночь спроводили домой — помыться и отдохнуть. А утром вернулся со своего хутора — на месте мастерской воронка.

— В курушки все здание при бомбежке разнесло. Мне, значит, не судьба...

— Владислав Иванович, когда получили увечье, было отчаяние? Растерянность?

— Нисколько. Я ведь к слепоте с детства привыкал — подготовка длительная была. Повредился глазами в семь лет — ослеп переболел. После глаза все время болели и плохо видели, а лет, наверное, в пятнадцать до крика дошло. Мать мне на ночь повязку повязала, а утром при солнце и открыла... Вот солнце мне удар окончательный и сделало. Красным столбом свет взметнулся, и — темнота. Повели меня к врачу в Ивановку, а он поглядел и сказал: «Вся жизнь в каждом глазу потухла».

...В то, что рассказывали в Тербунах о Емельянове с хутора Крутенький, не верилось. И вот один момент подтвердился — да, незрячий человек в годы войны был стхановцем по производству валенок. Теперь дело за более тонким:

— А что, правда, что вы гармони на продажу делали?

— Если уж по правде, то давайте без брехни. Чего не было, того не было — на базаре не торговал, а так, для души, делал.

Просим показать гармони. С неохотой поддается уговорам: — Стыдно... Она ж у меня не отделана: на мехах узор не наложил, перламутром не разнобразил, деревянные части не отполировал...

Но это — гармони! Да как же он так!

— Вы ток не преувеличиваете — гармони у меня плохие были. Трудно слепому «голоса» подбирать. Я эти медные пластиночки на язык пробовал, а там все на глаз тонкий подбирать надо. Вот ремонтировать я мастер — любая гармонь, любой баян с аккордеоном. Оно-то по готовенькому и дураку легко. Что по душе, так это балалайки! Их-то я много понаделал, и все были классные! Давно уж мне их не заказывают, да и закажут — материал стоящий где возьмешь?

Выносит из соседней комнаты балалайку, настраивает. Руки черные, заскорузлые — ими жар из печи выгребать. Шорх ими как-то неуклюже по струнам, шорх... И вдруг балалайка как запоет да как заплачет! То трель соловьиная, то шум березовой листвы... Ах, бежит слеза, и сердце ломится! Пальцы — то лебеди, то соколики! И вдруг стон из-за стеной... Музыка споткнулась, и хозяин тяжело вздохнул:

— С женой у меня плохо. Заболела Анна... Двадцать один день в больнице пролежала... Язва, говорят. Никакая пища не идет — только молоко да обезболивающие таблетки принимает. Я — с девятнадцатого, а она — с десятого. В сорок восьмом сошлись... Вот диван, на котором сижу, она попросила сделать. Говорит: «Севк, сделай диван — все го-стям удобнее будет, да и мы сами когда рядом посидим». Эх, Нюрка, Нюрка... Она мне своей болезнью руки отрубила — так и стоит диванчик недоделанный.

Пытаемся повернуть разговор подальше от этой раны.

— Чем история с валенками кончилась? Да плохим делом. Меня звали после войны учить ребят — артель обещали набрать. Отказался. Надо было на ноги становиться — дом строить надо было. На два колхоза шорником работал. Валял под хомуты потники. Грех имел — дома валенки тайком

для приработка валял. Они меня и скрутили — пошли по телу какие-то нарывы да язвы. В Липецке лежал... Строго наказали: брось валенки — жить будешь. Крепко прихватило. В лежку лежал. А дом-то строить начал... Так я, лежа в постели, рамы вязал, фронтоны резал... Анна, жена моя, в слезы: жить-то, мол, чуть-чуть осталось — хоть напоследок побереги себя. Но уж больно мне хотелось в новом доме, сделанном своими руками, пожить. Я его сделал таким, каким в детстве видел у зажиточных людей. Так я его из головы и перенес вот на эту землю.

— Вы у кого-нибудь учились столярничать, плотничать?

— Нет. Все по воображению. У меня в детстве дядя из рук топор и ножик завсегда отнимал и прятал. Боялся, что незрячий может пораниться...

— А отец...

— Отец с матерью ленинградские. Перед революцией от преследований на этом хуторе временно скрылись... А

— А это что за отходы производства?

— Э-э, братцы! Если ей ума дать — надежная штука! Это я тут одной женщине с той стороны бугра ножную машинку исправлял. А она: «Что тебе за работу?» А я слышал, что у нее есть сломанная старинная швейная машинка: дай, говорю, ее мне — сгодится в хозяйстве. Я же ведь и сам шью — рубаху, там, занавеску какую...

— Что, машинки тоже по памяти из детства чините?

— Какое там... В детстве я их и не видел. Принесли, рассказали, как она действует. Я ее три дня ощупывал, представлял все. Да так они и пошли у меня одна за другой.

И он нам объясняет, в чем поломка машинки, которая стала его собственностью. Ни одной детали он названия не знает. Тычет пальцем то в одно место, то в другое и поясняет:

— Смотри: вот эта штука должна цепляться за эту, а эта

Справка на валенки

потом отца роскошь отсоединила от нас... В двадцать девятом уехал в Ленинград на разведку, а мама к нему в тридцать третьем голодном поехала, да и вернулась к нам, к шестерым ртам... Что его судить? Вроде бы и не по-помому он сотворил, а что сделать! Он-то, наверное, по-другому думал.

Когда же ему по-настоящему было трудно?

— Когда однажды голодуха вынудила пойти побираться. И я не смог. Так я всю жизнь ни разу руки и не протянул, никого о помощи не попросил... Я помню те позорные дни. Сижу, курю, курю... Кажется, насмелился — толкну дверь. Говорю и сам себя не слышу... И без этого не помер — как ни тяжко, а на хлеб всегда можно заработать. Я людям часы ремонтировал, лечил даже... Я сейчас по запаху и на ощупь любую тебе травку определю. Все травы с детства помню...

Задумчиво барабанит пальцами по корпусу балалайки.

— Ну, а братья вам помогали?

— Когда первую балалайку делал, то самое трудное — нарезать в ней лады. Попросил Петьку, старшего: «Нарежь». А он: «Не хочется. Да и ты бы бросил ерундой заниматься». Так я всю ночь не спал: как это человеку не хочется что-то руками делать?! Не верю! И по сей день не верю... Нет, братья мне больше по хозяйству сейчас помогают... Вот один приехал — возле Анны походить... Детей-то у нас с Анной тек и не получилось...

Кораблем посреди дома стоит печь. Добротная, с хитроумными горнушками, выступами...

— А печь кто приходил в дом ладить?

— Сам. Я первый в округе научился печи класть, а потом с великой радостью по деревням ходил и людям печи ложил. До сих пор многие благодарят.

А как дело было? Пришли после эвакуации, дома у всех порушены, а у Митьки, моего соседа, печи целехонька. Я с Митькой ту печку по кирпичику разобрал да и запомнил, что и как в ней делать надо. Так что после я везде печи клал — Митькино подобие. Мне трудно по отвесу стенку вести. А тут Николай Пучков с фронта пришел. Без руки. Их, Пучковых-то, на фронте всех, почитай, положило, а этот вернулся... Ну, мы с ним вдвоем и подрались. У него же, главное, глаза есть — смотрит и руководит, а я кладу, да так выложу, что по сауду потом огонь шелью идет! Высший класс.

Окидываем взглядом углы и видим допотопную швейную машинку.

хреновина вот от этой почему-то отстала. Если вот эту поприжать к этой, то эта потянет за собой эту... Словом, ты, наверное, и сам увидел, что вот на эту надо малость металла наварить. Тут уж, брат, не по моей части — руки смечь могу. Надо ждать okazji — кто-то подсобить должен. А потом я это с этим соединю — можно будет хромовые сапоги шить! Вошел мужчина. В руках, как поленница дров, буханки хлеба:

— Иваныч, на хутор хлеб привез да дай, думаю, и тебе занесу. На неделю хватит!

— Спасибо, Алексей, хватит. Хлеб ложится рядом с гармошкой, балалайкой и швейной машинкой-калекой. Тут же появляется соседка:

— Севка, на тебе двадцатник — одну буханку беру. А это что за люди? Интересуются!

Вопрос ко мне:

— В Америке не был? Так поезжай. Вот те крест: и в Америке такого мастера, как наш Севка, не найдешь! Он же для меня в молодости ботиночки сшил. Не шов, а игрушечка! А что он с моими хитроумными делал? Были ходики, а теперь вдобавок и будильником стали. Мне будильник ни к чему — сама раньше петухов глаза протираю, но музыку завсегда приятно слушать. Память, Севк, о тебе.

У стола стоит фигурная трость. Думал, что тоже произведение хозяина.

— Нет. Бывший сосед Колька Струк в подарок прислал. Он в тюрьме отсидел. Просил передать, что часто мои беседы вспоминал и будто я ему чего-то там помог по-правильному осмыслить. Да пусть тросточка стоит — может, и вправду Струк за ум возьмется. Человек-то он хороший...

— Севк, — это опять соседка, — а ты расскажи, как правленцев пострамил.

Он машет рукой:

— Пришлось поволноваться... Они меж собой заспорили: могу я вдеть нитку в иголку или нет? Да спасибо, что иголка была цыганская, с широким ушком... Я ее долго изучал, примерялся... Экзамен серьезный держал: если люди спорят, значит, кто-то чересчур верит в меня. Вот его-то и не хотелось подводить. Не подвел.

Спрашиваю: может, ему чего надо? Чем могу помочь?

Все есть, ни в чем не нуждается. Но на всякий случай обмениваемся адресами, и я под диктовку записываю его: Липецкая область, Тербунский район, Солдатский сельсовет, хутор Крутенький.

В. Емельянов.

Фото С. Губского.

Э. ЕФРЕМОВ.
Липецкая область.